

III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

А. Ю. Соломеин

(Томский политехнический университет)

XX век прошел для исторической науки (да и вообще для европейской культуры) под впечатлением разложения прежнего монизма. Релятивный, субъективистский дух неокантианства накладывает свой отпечаток на исследовательские поиски историков, по крайней мере, первых двух третей XX столетия.

Советская историческая наука, начиная с 1930-х гг., оказалась законсервированной на уровне монистического мировоззрения XIX века в его марксистском варианте. На фоне указанных процессов опыт Томской историографической школы представляется весьма интересным. По сути, его специфика заключалась в соответствии модернистской парадигме (если понимать модернизм широко, как стиль эпохи) истории, в уходе от марксистского варианта монизма. Важно отметить, что данная мысль не была ни революционной, ни диссидентской. Уход от марксизма носил не антимарксистский, а внемарксистский характер. То есть, был найден исследовательский ракурс, открывавший новое мыслительное пространство, недоступное марксистскому дискурсу. Данный исследовательский ракурс получил концептуальное выражение в теории «среднего уровня», предполагавшей изучение методологии истории механизма конкретного исторического действия, вкупе с тезисом об относительных исторических законах, действующих в ограниченных пространственно-временных рамках. Таким образом, через релятивизацию предмета исследования, истматовский монизм не ставился под сомнение, а оставался за скобками.

Важнейшую роль в выстраивании культурно-языковых норм Томской историографической школы сыграл тот фактор, что методологические проблемы рассматривались в тесной взаимосвязи с проблемами историографическими. Именно историография стала тем конкретным материалом, на котором строились методологические изыскания, на котором методологические теории проходили свою апробацию. Это имело ряд последствий. Во-первых, конкретным исследовательским материалом была историческая мысль, а не исторические факты материально-событийного плана. В результате именно текст становится первичной реальностью для исследователя. Во-вторых, историография понималась не только как история исторической науки, но и история исторической

мысли. Соответственно, проблемы исторического познания рассматривались в тесной связи с социально-политическим, культурным, гносеологическим контекстом эпохи. Актуализация историко-философских и историко-культурных подходов в исследовательской практике школы позволила со временем вбирать достижения наиболее интересных и перспективных направлений отечественной гуманитарии – исследований в области истории древнего мира и средних веков, востоковедения, истории культуры и филологии. В-третьих, поле исследования Томской школы было представлено по преимуществу английской, немецкой, русской историографическими традициями и соответствующими им формами исторического сознания. Две последние традиции стали не только предметом исследований, но (в силу их внимательного отношения к вопросам методологии истории) определили научный кругозор школы, образовали круг неперенного чтения, задали необходимую планку уровня исследований, создали то текстовое пространство, в котором функционировала научная мысль. Отсюда акцент в работах школы на проблемы логики, методы исследования, формы выражения, интерес к истории духовной, а не только социальной, внимательное отношение к уникальному, динамическому с одновременным стремлением к масштабному видению проблем.

Таким образом, впитываемый материал также формировал релятивное модернистское поле, гносеологический и текстовый ракурс фиксации исследуемого материала. Этот стиль мышления обусловил и предел исследовательской практики, что с конца 1970-х годов стало выражаться в растущем желании представителей школы уйти в исследования конкретной фактической истории, либо в философскую, либо в историко-культурную проблематику.

Усвоенная стилистика мышления и восприятия проблемного поля повлияла в дальнейшем и на формы научного поведения, и на определение исследовательских стратегий, и на отношение к господствующему марксистскому дискурсу. Исследователи, формировавшиеся уже в рамках школы, ясно чувствовали разницу между мертвящим догматизмом официальной исторической науки и по-преимуществу не идеологизированным академическим стилем своего направления. В контексте социалистической действительности подобная научная деятельность стала восприниматься как способ обретения и реализации творческой свободы. Это выливалось в своеобразное кокетничанье объективностью по отношению к “буржуазным” мыслителям, обращение к наследию игнорируемых официальной наукой ученых, подчеркнутое внимание к рафинированным логическим вопросам, что придавало исследовательской практике школы своеобразный налет “игры в бисер”. Это же обстоятельство обусловило и обратную реакцию. С потерей марксизмом идеологи-

ческой монополии в рамках школы возобладал взвешенный аналитический подход к научному марксистскому наследию.

На данном этапе развития школы можно наблюдать смещение границ поля исследуемых объектов. Происходит перенесение наработанного потенциала с самодостаточных исторических текстов на методы исследования конкретной истории. Основные поиски ведутся в области исторической антропологии в направлении осуществления синтеза различных исследовательских стратегий, на поле пересечения которых и рождается целостное представление о взаимодействии иерархизированных уровней бытия общества и человека.